А.Н.Медушевский

ОСНОВНОЙ ЗАКОН СССР 1977 г.: ГОСУДАРСТВО И ЛИЧНОСТЬ В ЭПОХУ «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»

Ключевые слова: Конституция СССР, права человека, федерализм, «социалистическая демократия», «общенародное государство»

Главная особенность процесса подготовки Конституции СССР 1977 г. — его длительность, нетипичная для номинального советского конституционализма. Если все предшествующие советские Конституции (1918, 1924 и 1936 гг.) принимались вскоре после создания Конституционной комиссии, то последняя (1977 г.) разрабатывалась в течение 15 лет (1962—1977 гг.). Решение о выработке новой конституции было принято Верховным Советом СССР еще 25 апреля 1962 г. В августе-сентябре 1964 г. Конституционная комиссия под председательством Н.Хрущева подготовила итоговый проект, однако уже в октябре Хрущев был отстранен от власти, а в декабре Комиссию возглавил Л.Брежнев[1].

Реконструируются три этапа работы над Конституцией — 1969, 1972—1973 и 1975—1977 гг.

Всплеск конституционной активности в 1969 г. нашел отражение в ряде проектов, последовательно появлявшихся в марте, апреле, мае и июне этого года[2]. Не исключено, что эта лихорадочная деятельность объяснялась стремлением найти приемлемую альтернативу идеям «социализма с человеческим лицом», выдвинутым в ходе «пражской весны» 1968 г. Вместе с тем уже на этом этапе подготовка действительно нового Основного закона постепенно уступила место корректировке старого — сталинской Конституции 1936 г. Не случайно итоговый проект носил название «Текст действующей Конституции СССР с предлагаемыми изменениями и дополнениями»[3]. И поскольку в ходе работы обнаружилась принципиальная невозможность согласовать «общенародное государство» с советской системой выборов и номинальным характером прав, Политбюро решило отложить конституционную реформу.

Следующий всплеск конституционной активности относится к началу 1970-х годов. По-видимому, предполагалось принять новую Конституцию к символическому юбилею — 50-летию образования СССР (1974 г.)[4]. Но и этот проект был отвергнут сторонниками Конституции 1936 г. — прежде всего из-за трудностей в согласовании положений о Советах и Коммунистической партии и опасения конституционно закрепить роль последней. К 1975 г. работа над конституцией фактически полностью остановилась. Однако после решения вопроса о консти-

[1] Подробнее см. Медушевский [Medushevsky] 2013.

[2] Вариант... от 28 марта 1969 г. [Variant... ot 28 marta 1969 g.]; Вариант... от 4 апреля 1969 г. [Variant... ot 4 aprelja 1969 g.]; Вариант... от 12 апреля 1969 г. [Variant... ot 12 aprelja 1969 g.]; Вариант... от мая 1969 г. [Variant... ot maja 1969 g.]; Вариант... от июня 1969 г. [Variant... ot ijunja 1969 g.].

[3] Сравнительные тексты [Sravnitel'nye teksty] 1969.

[4] Справка [Spravka] 1974: 78—79.

туционализации КПСС принятие нового Основного закона стало делом техники.

Каковы же были масштабы выбора и возможные стратегии его реализации?

Вызов глобализации: идеология прав человека и «социалистическая демократия»

Глобализация как процесс всемирной интеграции, получивший широкое развитие уже в 1980-е годы, предполагала не только разрушение замкнутости и свободный обмен информацией и технологиями, но и признание универсального характера прав человека. СССР, долгое время находившийся в стороне от этого процесса, вынужден был включиться в него по экономическим соображениям. Подписание Советским Союзом Хельсинкского акта 1975 г. (Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе) и принятие обязательств по его выполнению в гуманитарной сфере (включавших обеспечение прав и основных свобод человека) наложили свой отпечаток и на положения готовившегося проекта Конституции. «В отличие от Конституции 1936 г., — подчеркивали разработчики, — проект впервые закрепляет общий принцип равенства граждан перед законом как общую норму», а «равноправие... рассматривается в качестве предпосылки всех прав и обязанностей граждан»[5]. Именно с этим было связано включение в проект самостоятельного раздела «Государство и личность» (его планировалось поставить на второе место, перенеся туда регулирование прав из X главы действовавшей Конституции), провозглашавшего «равноправие граждан» и их «основные права, свободы и обязанности»[6], а также раздела о конституционном контроле[7], где затрагивались такие сюжеты, как «законность и правопорядок», «непосредственная демократия и народный контроль», «порядок изменения Конституции» и «конституционный контроль» (осуществление которого предполагалось доверить Верховному Совету СССР)[8]. В то же время ряд нормативных схем практически полностью воспроизводил структуру Конституции 1936 г.

Перспектива подобных нововведений вызвала мощную оппозицию со стороны консерваторов. «Не является ли это определенной уступкой зарубежным критикам нашего режима? — размышляли они. — Видимо, в данном вопросе допускается переоценка формальных прав индивида в сравнении с организациею граждан в Советы, в руководимое коммунистической партией социалистическое государство, чем создаются решающие гарантии политических прав граждан <...> Фактически — это полный отказ от чеканного, лаконичного стиля Конституции 1936 г.»[9]. Попытка отразить в Конституции международно признанные права человека интерпретировалась чуть ли не как идеологическая диверсия, несущая в себе угрозу режиму. «В документе, видимо красивости ради, широко используется фразеология, непривычная для нашего конституционного права: провозглашение Конституции от имени народа (как в Конституциях США, ФРГ, Франции), суверенитет народа

[5] Объяснительная записка [Ob"jasnitel'naja zapiska] 1977: 236.

[6] Структура [Struktura] б.г.: 18—25.

[7] Там же: 10—25.

[8] Справка «Возможная схема...» [Spravka «Vozmozhnaja schema...»] б.г.: 7.

[9] Справка [Spravka] 1975: 50—51.

(без чего не обходится ни одна буржуазно-демократическая декларация), социальная справедливость (о чем вещается даже во франкистской „Хартии труда"), непосредственная демократия, самоуправление и т.д. и т.п., — доказывали критики. — Указанная фразеология и структура проекта позволили бы нашим идейным противникам заявить, что большевики более полувека грозились создать нечто новое, свою социалистическую демократию, а возвращаются к традиционным „вечным истинам" народного суверенитета, социальной справедливости и т.д. При чтении некоторых проектов невольно возникает мысль: не являются ли они запоздалой интеллигентской реакцией на культ личности Сталина, с которым отождествляется Конституция 1936 года?»[10]

[10] Там же: 51—52.

Противоречия между итоговым конституционным проектом и международным правом не удалось преодолеть по ключевым вопросам. В проекте, бесстрастно констатирует автор записки 1977 г., не нашли отражения статьи Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которым «никто не должен подвергаться пыткам и жестокому, бесчеловечному и унижающему его достоинство обращению или наказанию», «ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам», «никто не должен принуждаться к принудительному или обязательному труду». Не гарантировались в нем права личности при аресте, привлечении к судебной ответственности и отбывании наказания; право на свободу и личную неприкосновенность; право каждого человека на свободное передвижение и выбор места жительства в пределах территории государства и право покидать и въезжать в любую страну, включая свою собственную. Не были зафиксированы в проекте и другие важнейшие нормы: «Что касается права на свободу мысли (о которой говорится в ст. 18 Пакта — *А.М.*), то подобной нормы проект не предусматривает», равно как и права «каждого человека свободно выражать свое мнение» (ст. 19 Пакта). Отсутствовало в нем и положение о том, что «каждый гражданин допускается на общих условиях равенства к государственной службе» (ст. 25 Пакта)[11]. Именно эти нормы и стали центральными для правозащитного движения. Официальная позиция заключалась в отрицании самого факта существования инакомыслия[12], проявления которого квалифицировались как «нарушение общественного порядка», «тунеядство» и «хулиганство»[13]. Пути их преодоления усматривались в реализации юридической ответственности, направленной не только на «защиту социалистического правопорядка», но и на такое «коммунистическое перевоспитание» несовершенного гражданина, которое «предполагает перестройку его сознания», замену антиобщественных «умонастроений и стремлений» мотивами «правомерного поведения»[14]. На практике это означало ужесточение репрессий по отношению к инакомыслящим, многие из которых были отправлены в тюрьмы и психиатрические лечебницы[15].

[11] Справка [Spravka] 1977: 77—85.

[12] Андропов [Andropov] 1979: 627—628.

[13] Лукьянов, Денисов, Кузьмин, Разумович [Luk'janov, Denisov, Kuz'min, Razumovich] 1981: 143—155.

[14] Самощенко, Фарукшин [Samoshhenko, Farukshin] 1974: 12—13.

[15] Буковский [Bukovskijj] 2008.

Некоторые социальные и экономические права, фигурировавшие в промежуточных проектах, были отвергнуты в силу их несоответствия

реальной ситуации (например, право на жилище и выбор профессии), некоторые — по причине «идеологической сомнительности». К последним относились, в частности, предусмотренные Пактом (ст. 8) право на забастовку и право профсоюзов образовывать национальные федерации и конфедерации. Более того, предлагалось включить в Конституцию положение о том, что «профсоюзы являются школой управления, школой коммунизма», «осуществляют государственный надзор и общественный контроль за соблюдением законодательства о труде» и «в лице их общественных и республиканских органов пользуются правом законодательной инициативы»[16]. Вместо концепции прав личности была выдвинута концепция личности как «ассоциированного суверена», который — наряду с другими подобными «суверенами» — выступает «коллективным собственником всех общественных богатств», а потому «занимает с ними в принципе одинаковое место в производстве и распределении», а также в управлении государством[17].

[16] Записка А.Шелепина [Zapiska] 1969: 206—207.

[17] Кравчук [Kravchuk] (ред.) 1986: 23.

Не было отражено в проекте и право на индивидуальную трудовую деятельность. В ряде программ построения «развитого социалистического общества» предпринимались робкие попытки ввести в плановое хозяйство элементы экономической заинтересованности трудовых коллективов и отдельных индивидов в результатах их труда. Вводились понятия «собственность общественных организаций» и «индивидуальная трудовая деятельность», напоминавшие риторику начала реформ М.Горбачева в СССР или Ден Сяопина в Китае[18]. Но они были жестко отвергнуты по идеологическим причинам, поскольку, по мнению оппонентов, содержали «в прямой форме допущение мелкого частного хозяйства и целиком исключали указание на господствующее положение социалистической системы хозяйства», что «могло бы создать ошибочное представление об изменении нашего подхода к мелкому частному хозяйству и оценке его роли»[19]. Вопрос о разграничении государственной собственности и собственности общественных организаций (к каковым могли быть отнесены колхозы и иные формы кооперативов) так и не был решен ввиду неясности критериев, по которым такое разграничение могло бы быть произведено[20].

[18] См. Дэн Сяопин [Deng Xiaoping] 1988.

[19] Сравнительный текст [Sravnitel'nyjj tekst] 1972: 11.

[20] Сравнительный текст [Sravnitel'nyjj tekst] б.г.: 7.

Вызов идеологии прав человека не был понят и адекватно интерпретирован. Как комментировал происходившее референт Брежнева и один из разработчиков Конституции циничный А.Бовин, «после Хельсинки обострилась борьба вокруг прав человека. Активизировался Андропов. Наиболее шумных выслали из страны. Некоторые „выбрали свободу“ сами. Некоторых арестовывали. <...> В принципе можно предположить, что конституционная кампания как раз и была рассчитана на то, чтобы под лозунгом развития демократии изменить атмосферу в стране, сузить базу для распространения антисоветских настроений. Но боюсь, что уровень стратегического мышления тогдашнего руководства делал такое предположение беспочвенным. Время политтехнологий еще не наступило...»[21] Возобладала традиционная советская идея о «неразрывной связи прав граждан и их обязанностей». «Решать

[21] Бовин [Bovin] 2003: 346.

в Конституции вопросы об отношениях государства и личности, о правах и свободах граждан следует, опираясь как на социально-экономические основы, так и на основные положения государственного устройства», — считали разработчики[22]. Поэтому «злоупотребление правом, использование свобод в ущерб интересам общества и государства и правам других граждан запрещается, т.е. отмечается незаконность использования прав и свобод вопреки их социальному назначению»[23].

[22] *Предложения [Predlozhenija] 1977: 24.*

[23] *Объяснительная записка [Ob''jasnitel'naja zapiska] б.г.: 125.*

Вызов национализма: советский федерализм между интеграцией и дезинтеграцией

В свете последующего распада СССР особое значение имеет центральное противоречие советского федерализма — между конструированием «советского народа» и защитой национальных прав. В период разработки Конституции 1977 г. противоречие этих двух начал отчетливо проявилось в дискуссии об определении гражданства. В некоторых версиях Основного закона приоритет отдавался укреплению «новой исторической общности», а решение проблемы усматривалось в конституционном закреплении права граждан на национальную самоидентификацию. Предварительные варианты проекта Конституции юридически формулировали эту норму; в них была включена ст. 54: «Гражданин СССР имеет право на свободное определение своей национальной принадлежности в соответствии с его национальным самосознанием, усвоенным им языком». «Установление этого права, — разъясняли инициаторы, — призвано содействовать процессу сближения наций. Национальная принадлежность может определяться с учетом языка, которым лицо владеет и пользуется как родным, характера воспитания и образования гражданина». Важность введения данной нормы обосновывалась процессами межнациональной интеграции — она должна была действовать «при определении национальности лиц, родившихся от смешанных браков и получивших воспитание в национальной среде, не связанной с национальностью ни одного из родителей, а также иных лиц, утративших связь с национальностью своих предков»[24].

[24] *Предварительные варианты [Predvaritel'nye varianty] 1977: 238.*

Противники подобного подхода (в конечном счете восторжествовавшие) настаивали на сохранении существующей системы, используя для обоснования своей позиции традиционные идеологические аргументы. «Установить право граждан на свободное (!) определение своей национальности», — полагали они, — значит «превратить национальную принадлежность гражданина из объективной реальности в фикцию»[25]. «Национальная принадлежность — объективный факт, и внесение элементов субъективизма в решение вопроса о национальности является попыткой подменить естественную ассимиляцию (исторически прогрессивный процесс) искусственными мифами. Есть и еще один аспект проблемы. Нельзя не иметь в виду, что создание своего рода „конституционной“ базы для фактически произвольного определения гражданами своей национальности может быть использовано для различного рода провокаций со стороны антисоветских элементов»[26]. Опасность введения свободы национальной самоидентификации усматривалась

[25] *Справка [Spravka] 1975: 58.*

[26] *Предложения [Predlozhenija] 1977: 36.*

также в потенциальном усилении национализма в автономиях. «Серьезные сомнения, — отмечалось еще в 1972 г., — вызывает вопрос, стоит ли в Основном законе записывать, напр., что автономные республики и области, а также национальные округа образуются в результате свободного волеизъявления компактно проживающих национальных групп. Такая декларативная запись могла бы способствовать активизации безответственной деятельности отдельных групп граждан, не всегда правильно понимающих политику партии и государства в области национального строительства, возбуждать необоснованные претензии националистически настроенных лиц»[27]. Не последнюю роль играли и соображения, связанные с международной политикой, в частности с политическим курсом Израиля: «Тем самым создается „конституционная" база для политических провокаций злобствующих сионистских элементов и тех антисоциалистических элементов внутри страны, которые хотят подстраховать свою преступную деятельность объявлением себя евреями и требованием разрешения эмиграции в Израиль»[28].

[27] Сравнительный текст [Sravnitel'nyjj tekst] 1972: 32.

[28] Замечания [Zamechanija] б.г.: 3.

Вызов национализма определил общий вектор дискуссий о федерализме. В конституционном проекте периода «оттепели» (1964 г.) делался акцент на расширении прав союзных республик (фиксировалась модель, близкая к конфедерации). Эта тенденция по инерции сохранялась в проектах 1969 г., где «союзные республики» продолжали именоваться «суверенными социалистическими государствами», высшие органы власти которых получали значительные полномочия в сфере законодательной инициативы и функции контроля над соблюдением Конституции республиканскими и местными государственными органами[29]. Однако уже в начале 1970-х годов прослеживается отказ от этой линии, сопровождавшийся усилением централизма — разумеется, при сохранении ритуальных фраз о самоопределении народов. Как показывает «Справка об изменениях и дополнениях, внесенных в Конституцию СССР с декабря 1936 по сентябрь 1972 г.», наиболее частым изменениям подвергались ст. 22, в которой перечислялись края и области, входившие в РСФСР; ст. 23, содержавшая перечень областей Украинской ССР; ст. 70, определявшая состав Совета министров СССР; ст. 77 и 78, устанавливавшие набор общесоюзных и союзно-республиканских министерств: ст. 22 менялась 13 раз, ст. 23 — 9, ст. 70 — 25, ст. 77 — 28, ст. 78 — 29[30].

[29] Сравнительные тексты [Sravnitel'nye teksty] 1969: Д. 31. Лл. 13—33.

[30] Справка [Spravka] 1972: 140.

К середине 1970-х годов были сформулированы предложения, направленные на «расширение „усмотрения" Союза и принципиальное снижение уровня конституционных гарантий суверенных прав республик», а также на устранение представленных в предшествовавших проектах норм о праве союзной республики «вступать в непосредственные отношения с зарубежными государствами и иметь свои воинские формирования», что легитимировало, в частности, членство ряда союзных республик в ООН и ряде других международных организаций. Из проектов были изъяты указания на то, что «союзные республики обладают суверенитетом, ограниченным в пределах, указанных в Конституции,

и... что вне пределов компетенции СССР республика осуществляет государственную власть самостоятельно»[31]. Дискуссия по третьему разделу Конституции («Национально-государственное устройство СССР»), где нашли отражение результаты острой внутренней полемики по этому вопросу, фиксирует усилия по дальнейшей централизации и унификации советской системы: СССР характеризуется как «единое союзное государство»; подчеркивается его «нерасторжимость»; «при определении компетенции Союза ССР и правового статуса союзных и автономных республик проводится линия на расширение прав и компетенции союзных органов», причем отсутствует даже привычная риторика о суверенитете союзных республик[32]. Антитезой выступали предложения республик о сохранении принципов «советского федерализма» и, в том числе, права на «самоопределение наций». В этом контексте показательно стремление повысить самостоятельную роль РСФСР в составе Союза и отразить в преамбуле ее Конституции, что «создание РСФСР и СССР является выдающимся достижением национальной политики Советской власти, т.к. это положение имеет принципиальное значение для всей советской конституционной системы»[33].

[31] Предложения [Predlozhenija] 1977: 36.

[32] Предварительные варианты [Predvaritel'nye varianty] 1977: 126.

[33] Письмо [Pis'mo] 1977: 17.

Осознавая несовместимость ритуальной нормы о праве республик на выход из Союза с федерализмом (в принципе не допускающем права сецессии), разработчики вынуждены были сохранить ее в рамках постулата об особом «советском федерализме» как «форме решения национального вопроса»[34], одновременно попытавшись смягчить потенциально деструктивный характер данной нормы, резко ограничив возможности ее практической реализации в целях изменения существующего национально-государственного устройства.

[34] Пономарев [Ponomarev] (ред.) 1982: 213—214.

Во-первых, был оставлен без изменения формальный механизм разрешения спорных вопросов согласительной комиссией, образуемой на паритетных началах палатами Верховного Совета СССР, отклонена идея проведения референдума в случае непреодолимых разногласий между сторонами и усилено равенство палат («каждая палата ВС СССР образуется из равного числа депутатов»); выдвинуты предложения по сокращению сроков полномочий верховных советов республик, а также отказу от выборности прокуроров и возвращению к их назначению; повышена роль Президиума ВС СССР, определявшегося то как постоянно действующий орган ВС СССР, то как «высший орган государственной власти СССР в период между сессиями ВС»[35].

[35] Предварительные варианты [Predvaritel'nye varianty] 1977: 114.

Во-вторых, была отвергнута обсуждавшаяся с начала 1960-х годов идея создания особого института конституционного контроля. В одном варианте речь шла об избираемом ВС СССР и подотчетном ему Комитете (Коллегии) конституционного надзора, в компетенцию которого предполагалось включить наблюдение за соответствием конституций союзных республик Конституции СССР, рассмотрение вопросов, возникающих вследствие расхождения законодательства союзной республики с общесоюзным законодательством, предоставление заключений по спорам между союзными республиками и между Союзом ССР

и отдельными республиками в связи с осуществлением положений Конституции СССР[36]. В другом — о Комитете конституционного контроля, наделенном более широкими функциями, такими как наблюдение за соответствием конституций и законов союзных республик Конституции и законам СССР, внесение в ВС СССР предложений по вопросам толкования Конституции СССР и об отмене конституционных актов, подготовка заключений о соответствии проектов законов, внесенных на рассмотрение ВС СССР, Конституции СССР[37].

[36] Проект [Proekt] б.г.: 61.

[37] Предварительные варианты [Predvaritel'nye varianty] 1977: 126.

В-третьих, максимально затруднялось преобразование автономных республик в союзные: при принятии подобного решения должны были «учитываться экономическая целесообразность такого преобразования для народного хозяйства не только самой республики, но и для всего Союза ССР в целом, а также возможные политические последствия такого преобразования в виде постановки вопроса об изменении своего статуса и другими автономными республиками, народы которых пожелают избрать союзную республику как форму своего государственного самоопределения»[38].

[38] Справки [Spravki] б.г.: 61.

Рост национализма в послесталинский период порождал тенденцию к трансформации политической системы в направлении конфедерализации, чреватой дезинтеграцией союзного государства. Противоречивые нормы советской Конституции о единстве Союза и одновременно суверенитете республик невозможно было согласовать в рамках рациональной концепции федерализма. Цементирующей основой многонационального государства выступала КПСС, выполнявшая функции, которые в Российской империи принадлежали самодержавию.

Вызов демократии: «общенародное государство», избирательная система и административно-политический контроль

Успешная интеграция советского государства в международные процессы и структуры требовала преодоления его тотальной закрытости и расширения внутреннего и внешнего информационного обмена. Решение проблемы усматривалось в ограниченной демократизации и дебюрократизации (без отказа от основ однопартийного режима). «Буржуазному демократизму, — писали юристы-аппаратчики, — должен быть противопоставлен социалистический демократизм, более действенный, более реальный. Это будет способствовать значительному усилению борьбы с попытками антисоциалистических элементов расшатать социалистическую демократию, внедрить в нее буржуазные институты». Важнейшими условиями достижения данной цели считались «укрепление Советского государства, совершенствование принципов советской избирательной системы; развитие конституционных гарантий основных прав и свобод; всемерное укрепление социалистической законности»[39].

[39] Справка (проект) [Spravka (proekt)] б.г.: 13.

В этом контексте понятны систематически возникавшие дискуссии о содержании неопределенного концепта «общенародное государство», о соотношении прав и обязанностей граждан, о новой роли Советов как «законодательных, распорядительных и контролирующих

органов»[40]. В ходе этих дискуссий звучала мысль о необходимости учета предложений, которые были выдвинуты «на переходных этапах работы над проектом новой Конституции СССР, а также научными учреждениями и группами», но не нашли отражения в итоговом варианте: «об определении Советов депутатов трудящихся как Советов народных депутатов в связи с предложенными изменениями и дополнениями общенародного характера Советского государства» и «о включении в Конституцию положения о том, что при тайном голосовании на выборах избиратель выражает свое отношение к каждому из кандидатов, включенных в бюллетень, вычеркивая одно из двух решений: „согласен“ или „не согласен“»[41]. На компромиссный характер подобных нововведений указывали представители правозащитного движения, усматривавшие в них возможный путь к конвергенции политических систем западного и советского типа (А.Сахаров)[42] и постепенной демократизации советской системы посредством перехода к многопартийности в Советах (А.Амальрик и др.)[43].

Ключевой проблемой модернизации окостеневшей советской иерархии стала необходимость изменения избирательной системы — введения состязательных выборов при тайном голосовании. Серьезный психологический дискомфорт при обсуждении этого вопроса ощущается в целом ряде аналитических документов. Констатировав, что «для выставления в одном избирательном округе нескольких кандидатов в депутаты не требуется вносить каких-либо изменений в действующую систему выборов», аппаратные эксперты отмечали, что «на практике до сих пор признавалось политически нецелесообразным противопоставлять на выборах двух или более кандидатов, представляющих одну политическую платформу». Одним из следствий такого положения вещей, подчеркивали они, является отсутствие какой-либо «практической необходимости заходить в кабины для тайного голосования», что негативно сказывается на процессе волеизъявления: «...На выборах создается впечатление... голосования. У некоторых избирателей появляется боязнь заходить в кабины, чтобы проголосовать против кандидата. Отсюда предложения выдвигать по округу кандидатов. Тогда в кабины заходить обязательно и голосовать против свободно»[44].

Для разрешения этой психологической дилеммы в записке 1973 г. был сформулирован ряд мер, направленных на совершенствование системы выборов (на уровне низовых Советов). Первая из них — «в бюллетени для тайного голосования включать двух или более кандидатов при сохранении общего порядка избрания одного кандидата от избирательного округа». Другим принципиальным изменением должно было стать «введение двух туров голосования на выборах»: «в первом туре на собраниях представителей трудящихся (выборщиков) избираются из нескольких кандидатов путем тайного голосования или открытого голосования два кандидата, получившие наибольшее число голосов. Во втором туре эти два кандидата включаются в бюллетень для тайного голосования населения». Третье изменение касалось внедрения «много-

[40] Стенограмма [Stenogramma] б.г.: 149.

[41] Справка о необходимости б.г.: 1.

[42] См. Сахаров [Sakharov] 1991.

[43] Амальрик [Amal'rik] 1991: 329.

[44] См. Григорьев [Grigor'ev] б.г. (а, б): 222—228.

мандатной системы выборов» (по крупным избирательным округам), что, по мнению авторов записки, «позволит избирателю голосовать за тех лиц, которых он считает наиболее достойными, вычеркивая другие кандидатуры из списка»[45].

[45] *Справка (проект) [Spravka (proekt)] б.г.: 16—17.*

Звучали также предложения о переходе к избирательной системе, построенной «на сочетании прямых выборов (при нескольких кандидатах) в низовые Советы (сельские, поселковые, городские без районного деления, районные в городах) и многоступенчатых выборов в вышестоящие Советы». Легитимация подобной реформы носила идеологически ретроспективный характер, апеллируя к так называемым «ленинским нормам»: «Все вышестоящие Советы (начиная с областного и краевого) предлагается избрать от нижестоящих Советов с использованием лучших сторон многоступенчатой избирательной системы», действовавшей «до принятия Конституции СССР 1936 г.», что откроет путь к восстановлению «единой республики Советов», якобы существовавшей при Ленине[46]. Подобная трансформация, однако, плохо вписывалась в декларативную формулу советских Конституций о проведении выборов «на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании». Поэтому в ряде конституционных проектов выдвигались различные паллиативы, например: «При подаче голоса избиратель выражает в избирательном бюллетене свое отношение к каждому из включенных в бюллетень кандидатов, вычеркивая одно из двух решений: „согласен“, „не согласен“»[47]. В целом речь шла о непрямых многоступенчатых выборах, отдаленно напоминавших «куриальную» систему, которая использовалась при избирании дореволюционных Государственных дум. И хотя в свое время большевики квалифицировали такую систему как бонапартизм, в условиях советского номинального конституционализма ее внедрение было бы несомненным шагом вперед, внося в электоральный процесс элементы реальной состязательности.

[46] *Там же: 18.*

[47] *Проект [Proekt] б.г.: 64.*

Ни одна из рассмотренных выше новаций, разумеется, не нашла отражения в итоговом тексте Конституции 1977 г. Не была отражена в нем и высказывавшаяся в период «оттепели» идея об углублении непосредственной демократии через институт референдума. Появление такого института, утверждали критики, может создать впечатление, будто «референдум — это обычная форма реализации народом государственной власти (помимо Советов). В СССР, как известно, референдум как всенародное голосование никогда не проводился, и введение такой практики не вызывается потребностями жизни»[48]. Были отвергнуты и предложения по расширению общественного контроля. «Предлагалось дополнить ст. 93 следующим положением: „Советы народных депутатов и создаваемые ими органы систематически информируют население о принятых ими решениях“, — вспоминал Бовин. — Мы поддержали. Вот она — гласность! Но не всем гласность нравится...»[49] На практике набирала обороты бюрократизация как центральных, так и региональных (краевых и областных) Советов, парадоксальным образом оправды-

[48] *Предложения [Predlozhenija] б.г.: 79.*

[49] *Бовин [Bovin] 2003: 352—353.*

ваемая ссылками на их перегруженность «при подготовке проекта новой Конституции». Одним из проявлений данной тенденции стало санкционированное правительством повышение роли президиумов, создание их исполкомов (для решения вопросов «оперативно-распорядительного характера»)[50] и выстраивание жесткой иерархии их председателей, замов и секретарей.

В рамках концепции единства «общественной и государственной форм народовластия» советские юристы обосновывали тезис об «общей государственной воле советского народа, выраженной в законодательстве»[51], и трансформации воли народа в государственную волю, а государственной воли — в волю коммунистической партии[52].

Принцип руководящей роли партии как ключевая конституционная инновация

Появление в Конституции 1977 г. формулы о руководящей роли партии (ст. 6) отражало несколько тенденций позднесоветского политического режима. Речь шла о стремлении, во-первых, укрепить репрессивно-бюрократическую однопартийную систему, столкнувшуюся с вызовами глобализации, прав человека и требованиями национального самоопределения; во-вторых, предотвратить использование неопределенности конституционных норм (о соотношении Советов и партии) оппонентами режима (что ранее обеспечивалось тотальным террором); в-третьих, придать выветривающейся идеологии новый моральный импульс в соответствии с принципами Программы КПСС, включенными в «Моральный кодекс строителя коммунизма». Новизна ст. 6 в официальном комментарии к Конституции, написанном ее разработчиками, усматривалась именно в том, что она «юридически закрепляет реальный факт осуществления КПСС руководящей и направляющей роли в нашем обществе, причем делает это в прямой форме, при характеристике его политической системы». Очевидное противоречие этой нормы положению о всевластии народа (ст. 2) не получило доктринального решения и было объявляло «умышленным искажением действительности»[53].

Поиск «социологического» определения партии, обоснований необходимости ее конституционализации и соответствующих юридических форм прошел несколько этапов, связанных с преодолением идеологических трудностей[54]. Отправной точкой служила ст. 126 Конституции 1936 г., определявшая КПСС как «передовой отряд трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества» и одновременно «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». Проект 1964 г., исходивший из идеи перерастания диктатуры пролетариата в «коммунистическое общественное самоуправление», подчеркивал «рационально-правовую» природу доминирования партии: «вооруженная марксистско-ленинской теорией, знанием законов развития общества», она «придает организованно-планомерный, научно обоснованный характер борьбе народа за построение коммунизма, составляет руководящее ядро всех государственных

[50] Записка [Zapiska] 1968:1—3.

[51] Гуреев, Сергунин [Gureev, Sergunin] (ред.) 1972: 22.

[52] См. Высшие представительные органы [Vysshie predstavitel'nye organy] 1969: 13; Кравчук [Kravchuk] (ред.) 1979: 187.

[53] Пономарев [Ponomarev] (ред.) 1982: 35—36.

[54] Подробнее см.: Медушевский [Medushevsky] 2014.

и общественных организаций и в рамках Конституции СССР направляет их деятельность»[55]. Проект 1969 г. отражал реставрационную тенденцию, в основном воспроизводя ст. 126 Конституции 1936 г. с учетом соответствующих положений Устава КПСС. Партия в нем трактовалась как мобилизационный институт — общественная сила, интегрирующая основные социальные группы для достижения установочных целей; модернизация сталинской формулы заключалась в указании на «добровольные начала» этого объединения и расширении понятия «наиболее активные и сознательные граждане» включением в их число, наряду с рабочими и крестьянами, интеллигенции. Однако при такой трактовке партия оказывалась конкурентом государства, которое определялось как «главное орудие построения коммунизма», «выразитель суверенитета советского народа». Преодолеть это противоречие была призвана ретроспективная (историческая) легитимация КПСС, руководящая роль которой преподносилась как «проверенная и подтвержденная историческим опытом страны и развитием социалистического общества»[56]. В проектах 1970-х годов прослеживается тенденция к синтезу предшествующих формулировок: в них фиксируется расширение социальной базы партии, которая предстает «авангардом всего советского народа»; предлагается новая трактовка Советов как «основы политической системы» (а не просто государства) и партии как «руководящего ядра всех государственных и общественных организаций»[57]; дается обоснование абсолютного лидерства КПСС, которая не только «вырабатывает научно-обоснованный курс внутренней и внешней политики СССР», но и направляет деятельность народа, придавая «организованный и планомерный характер его борьбе за построение коммунизма»[58].

Окончательная формула, закрепленная в ст. 6 Конституции 1977 г., отражала компромиссное решение проблемы. Во-первых, она ставила КПСС в центр политической системы, перемещая соответствующую статью с периферийного на узловое место — в первый раздел, где идет речь об основах общественного строя и политики СССР. Во-вторых, она давала квазиправовое определение партии — не в четких юридических, а скорее в метафизических и политических понятиях — как «руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы, государственных и общественных организаций». В-третьих, в ней подчеркивалась монополия партии на политическую власть и неоспоримость ее господства: КПСС объявлялась выразителем воли не отдельных групп, но всего народа — «ядром», а не «авангардом», как предполагалось ранее. Тем самым все государственные институты представали в качестве эманации этой неограниченной политической воли. В-четвертых, содержавшееся в ней обоснование претензий партии на власть носило не столько рациональный, сколько сакральный характер (марксистско-ленинское учение), заставляя вспомнить теологические (идеократические) формулы прошлого. Легитимирующая формула включала в себя как функциональные аргументы, фактически отождествлявшие задачи партии и государства («Коммунистическая

[55] *Проект [Proekt] б.г.: 33.*

[56] *Структура [Struktura] б.г.: 10—25.*

[57] *Предложения [Predlozhenija] 1977: 8—9, 24.*

[58] *Предварительные варианты [Predvaritel'nye varianty] 1977: 87—88.*

партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа»), так и аргументы целеполагающие, в соответствии с которыми партия «придает планомерный, научно-организованный характер его борьбе за победу коммунизма». В-пятых, признавая в общей форме, что партия «существует для народа и служит народу», эта формула допускала постановку вопроса о конституционной ответственности только для отдельных партийных организаций, которые «действуют в рамках Конституции СССР», но не для партии в целом[59].

[59] *Конституция [Konstitucija] 1977: 8.*

При всей одиозности ст. 6, интерпретируемой обычно как реакционный ответ бюрократии на кризис советской политической системы, включение ее в Конституцию знаменовало собой осторожное движение в сторону политической реальности (КПСС обладала всей полнотой власти и до принятия ст. 6, но тщательно это камуфлировала). По сути дела речь шла о попытке выразить неправовую власть партии в квазиправовых терминах, что теоретически открывало перспективы обсуждения конституционности ее господства. Вводя норму, de facto являвшуюся первой и единственной полноценной («работающей») нормой советских Конституций, ст. 6 противостояла всей логике номинального советского конституционализма, ставя под вопрос саму разумность его существования. Значение формулы о партии проясняется при сопоставлении ее с предшествующими и последующими формулами верховной власти в российской истории, раскрывая историческую преемственность таких форм правления, как дуалистическая монархия (при сохранении понятия «самодержавие»), однопартийная диктатура и президентская республика, общим элементом которых выступает тенденция к мнимому конституционализму.

Принятие Основного закона «развитого социализма»: сценарий, распределение ролей и исполнители

Поскольку приближалась очередная символическая дата (60-летие Октябрьской революции), к которой можно было приурочить принятие Основного закона СССР, идеологические споры были прекращены волюнтаристским путем. На состоявшейся 11 марта 1977 г. в Кремле встрече разработчиков с Брежневым, он, как воспоминает Бовин, «впервые четко поставил вопрос о Конституции. Кончать надо тягомотину. Подготовить и опубликовать проект. Провести всенародное обсуждение. И вынести на сессию Верховного Совета»[60]. Реализация данного решения требовала реанимации Конституционной комиссии, создания итогового проекта Конституции и проведения его через формальные советские институты.

[60] *Бовин [Bovin] 2003: 346.*

Значительные изменения — фактически образование новой Комиссии — относятся к моменту, непосредственно предшествовавшему завершению работы над проектом Конституции 1977 г. Они были осуществлены путем издания Указа ВС СССР о «пополнении» состава Комиссии — избрании новых членов взамен тех, что выбыли из нее,

не являются депутатами ВС СССР девятого созыва либо не могут выполнять свои обязанности по иным причинам[61]. Подобный метод позволял решить сразу несколько задач — легитимировать новую Комиссию как продолжение старой, интегрировать в нее лояльных лиц и добиться автоматического одобрения текста Конституции без содержательного его обсуждения. В состав Комиссии, утвержденный постановлением ВС СССР от 17 июля 1977 г.[62], вошли члены Политбюро и ЦК КПСС, представители номенклатуры, «общественных союзов» и «творческой интеллигенции», а также (как неотъемлемый элемент любого рода советских собраний) «передовики производства»[63]. Но еще до окончательного утверждения состава Конституционной комиссии, 23 мая на своем заседании она приняла решение одобрить проект Конституции и внести на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР предложение опубликовать его для всенародного обсуждения[64]. Обобщением замечаний и поправок, поступивших в процессе такого обсуждения, предстояло заняться специально созданным Редакционной комиссии и Секретариату, которые должны были направлять свои предложения в Конституционную комиссию. В ходе этой деятельности корректировался итоговый текст Конституции и объяснительная записка к нему[65].

[81] *Указ [Ukaz] 1977: 1—5.*

[62] *Постановление [Postanovlenie] 1977: 6.*

[63] *Состав [Sostav] 1977: 3—4.*

[64] *Протокол [Protokol] 1977: 1—4.*

[65] *ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39. Лл. 86—128, 229—247 [GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 39. Ll. 86—128, 229—247].*

На завершающем этапе подготовки Конституции была сформирована Рабочая группа, ядро которой составили представители консервативной части партийной номенклатуры во главе с Б.Пономаревым (И.Капитонов, М.Зимянин, К.Черненко), лояльные юристы (директор Института государства и права АН СССР В.Кудрявцев, директор ВНИИ советского законодательства И.Самощенко) и аппаратчики (консультант Отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС А.Лукьянов, консультант Международного отдела ЦК В.Собакин, партийный журналист Бовин). Работа группы, проходившая то на даче Сталина в Волынском, то в Ново-Огарево, то в Серебряном бору и сопровождавшаяся застольями в духе партийных мероприятий, впоследствии получила противоречивые оценки участников. Одни из них утверждали, что «видели чудовищный разрыв между Конституцией и жизнью», но были «воодушевлены возможностью хотя бы на бумаге создать образцовую демократию» и верили, что «создание безусловно прогрессивного Основного закона... может сыграть немаловажную роль, когда возьмутся за реформы»[66]. Другие признавали, что просто выполняли заказ Политбюро, не строя иллюзий: «Ни разу, ни в какой инстанции проект Конституции серьезно не обсуждался в принятом смысле этого слова. То есть не было коллективных дискуссий с сопоставлением мнений и аргументов. Может быть, боялись расхождений, открытого столкновения мнений? Каждый что-то чертил на своем экземпляре и возвращал его нам. Руководящие замечания (а их мы получили около тысячи от 63 кандидатов и членов), как правило, не расширяли демократические нормы жизни»[67]. А некоторые вообще не скрывали своих реакционных устремлений. Так, Лукьянов — этот непременный участник всех конституционных разработок в позднем СССР — дипломатично

[66] *Шахназаров [Shakhnazarov] 2001: 326.*

[67] *Бовин [Bovin] 2003: 351*

определялся Бовиным как «странный сталинист»: «В конкретных конституционных спорах он всегда выступал за демократический вариант. Но в более широком, социальном плане он, видимо, защищал социализм не обязательно с человеческим лицом»[68]. В этой ситуации обсуждение проекта Конституции неизбежно оборачивалось негативной селекцией — устранением каких-либо новых положений.

[68] *Там же: 347.*

На состоявшемся 27 сентября 1977 г. заключительном заседании Конституционной комиссии, как и следовало ожидать, было продемонстрировано полное единство мнений в отношении проекта Конституции. В докладе председателя Комиссии Брежнева об итогах ее работы четко обозначились общие консервативные установки советской бюрократии. «Как вы можете судить, изменения не затрагивают основных, принципиальных положений проекта Конституции, — констатировал он. — Большинство поправок имеют характер уточнений и дополнений, редакционной правки текста». В качестве неприемлемых были квалифицированы как раз те положения, которые фиксировали модификацию социально-политической системы: упразднение множественности советских национальностей; увеличение срока полномочий местных Советов до пяти лет; смешение функций партийных и советских органов[69]. «Работая над проектом, — подчеркивал Брежнев, — мы прочно стояли на почве преемственности»[70].

[69] *Стенограмма [Stenogramma] 1977: 6—11.*

[70] *Брежнев [Brezhnev] 1977: 4.*

Участники этого парадного заседания усматривали значение «всенародного» обсуждения проекта в его мобилизационно-пропагандистском воздействии, делая упор на «невиданном демократизме», когда «весь народ широко, по-деловому обсуждал практически неограниченный круг проблем общественной и государственной жизни, высказывал свои предложения и критические замечания» (Пономарев); упрочении основ существующей системы, подтверждающих «необходимость в государственном руководстве обществом со стороны рабочего класса» (вице-президент АН СССР П.Федосеев); соответствии положений проекта «самым сокровенным думам и устремлениям советских людей» (ткачиха М.Иванникова); обобщении опыта «планомерной и научно-обоснованной деятельности партии и народа, их самоотверженной борьбы за победу коммунизма» (председатель исполкома Винницкого областного Совета депутатов трудящихся В.Кавун); расширении «демократических основ и важнейших гарантий справедливости советского правосудия» и закреплении «ленинских принципов судоустройства и судопроизводства в качестве конституционных норм» (председатель Верховного суда СССР Л.Смирнов). Это заседание, несомненно, знаменовало собой очередной шаг в становлении культа личности самого Брежнева. В качестве председателя Конституционной комиссии Брежнев, не принимавший реального участия в подготовке проекта, объявлялся подлинным создателем Конституции — этого «величественного памятника обществу развитого социализма, настоящей декларации реальных прав человека XX столетия», который «вложил в каждую строку Проекта... всю силу своего неутомимого творческого ума, громадный

политический опыт, свою государственную мудрость и теплоту сердца большевика-ленинца»[71]. Однако отношение к нему как к «выдающемуся политическому деятелю современности» разделяли далеко не все. Как замечал один из критиков системы А.Зиновьев, «миллионы советских людей думают, что Брежнев маразматик и что проводимая его именем внешняя и внутренняя политика обрекает население страны на страдания и толкает мир к катастрофе. А что толку? Это думание не превращается в общественное мнение, ибо оно не влияет на поведение власти»[72].

[71] *Стенограмма [Stenogramma] 1977: 22—35.*

[72] *Зиновьев [Zinov'ev] 2003: 237.*

Далее события развивались по обычному для советского конституционного процесса сценарию. Заседание Конституционной комиссии постановило одобрить проект Конституции и передать его в Президиум ВС СССР для последующего внесения на рассмотрение внеочередной 7-й сессии Верховного Совета СССР девятого созыва[73]. 30 сентября представленный Конституционной комиссией проект был одобрен Президиумом ВС СССР, 3 октября — Пленумом ЦК КПСС, а уже 7 октября Конституция «развитого социализма»[74] была принята. Неспособность политической системы позднего СССР к полноценной и своевременной конституционной модернизации — урок и предостережение постсоветской политической элите.

[73] *Постановление [Postanovlenie] б.г.: б.*

[74] *Конституция [Konstitucija] 1977.*

Библиография

Амальрик А. 1991. *Записки диссидента*. — М. [Amal'rik A. 1991. Zapiski dissidenta. — M.].

Андропов Ю.В. 1979. *Избранные речи и статьи*. — М. [Andropov Ju.V. 1979. Izbrannye rechi i stat'i. — M.].

Бовин А. 2003. *XX век как жизнь: Воспоминания*. — М. [Bovin A. 2003. 20 vek kak zhizn': Vospominanija. — M.].

Брежнев Л.И. 1977. *О Конституции СССР*. — М. [Brezhnev L.I. 1977. O Konstitucii SSSR. — M.].

Буковский В. 2008. *И возвращается ветер*. — М. [Bukovskijj V. 2008. I vozvrashhaetsja veter. — M.].

Вариант проекта новой Конституции СССР от 28 марта 1969 г. // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 29 [Variant proekta novojj Konstitucii SSSR ot 28 marta 1969 g. // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 29].

Вариант проекта новой Конституции СССР от 4 апреля 1969 г. // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 29 [Variant proekta novojj Konstitucii SSSR ot 4 aprelja 1969 g. // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 29].

Вариант проекта новой Конституции СССР от 12 апреля 1969 г. // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 29 [Variant proekta novojj Konstitucii SSSR ot 12 aprelja 1969 g. // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 29].

Вариант проекта новой Конституции СССР от мая 1969 г. // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 29; Д. 30 [Variant proekta novojj Konstitucii SSSR ot maja 1969 g. // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 29; D. 30].

Вариант проекта новой Конституции от июня 1969 г. // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 30 [Variant proekta novojj Konstitucii ot ijunja 1969 g. // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 30].

Высшие *представительные органы власти в СССР*. 1969. — М. [Vysshie predstavitel'nye organy vlasti v SSSR. 1969. — M.].

Григорьев В. К вопросу о системе выборов в Советы // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 38 [Grigor'ev V. K voprosu o sisteme vyborov v Sovety // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 38].

Григорьев В. К вопросу о схеме новой Конституции СССР // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 38 [Grigor'ev V. K voprosu o skheme novojj Konstitucii SSSR // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 38].

Гуреев П.П., Сергунин П.И. (ред.) 1972. *Законодательство и законодательная деятельность в СССР*. — М. [Gureev P.P., Sergunin P.I. (red.) 1972. Zakonodatel'stvo i zakonodatel'naja dejatel'nost' v SSSR. — M.].

Дэн Сяопин. 1988. *Основные вопросы современного Китая*. — М. [Deng Xiaoping. 1988. Osnovnye voprosy sovremennogo Kitaja. — M.].

Замечания к проекту Конституции // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 41 [Zamechanija k proektu Konstitucii // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 41].

Записка А.Шелепина на имя Н.В.Подгорного с предложением ВЦСПС о внесении в Конституцию СССР статьи о профсоюзах (6.07.1969) // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 30 [Zapiska A.Shelepina na imja N.V.Podgornogo s predlozheniem VCSPS o vnesenii v Konstituciju SSSR stat'i o profsojuzakh (6.07.1969) // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 30].

Записка Председателя Совета Министров РСФСР т. Воронова Г. в Конституционную комиссию (от 5 августа 1968 г.) // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 29 [Zapiska Predsedatelja Soveta Ministrov RSFSR t. Voronova G. v Konstitucionnuju komissiju (ot 5 avgusta 1968 g.) // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 29].

Зиновьев А. 2003. *Коммунизм как реальность*. — М. [Zinov'ev A. 2003. Kommunizm kak real'nost'. — M.].

Конституция *(Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик*. 1977. — М. [Konstitucija (Osnovnojj zakon) Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik. 1977. — M.].

Кравчук С.С. (ред.) 1979. *Проблемы развития представительных органов власти социалистического государства*. — М. [Kravchuk S.S. (red.) 1979. Problemy razvitija predstavitel'nykh organov vlasti socialisticheskogo gosudarstva. — M.].

Кравчук С.С. (ред.) 1986. *Проблемы государства и права развитого социализма*. — М. [Kravchuk S.S. (red.) 1986. Problemy gosudarstva i prava razvitogo socializma. — M.].

Лукьянов А.И., Денисов Г.И., Кузьмин Э.Л., Разумович Н.Н. 1981. *Советская конституция и мифы советологов*. — М. [Luk'janov A.I., Denisov G.I., Kuz'min Eh.L., Razumovich N.N. 1981. Sovetskaja konstitucija i mify sovetologov. — M.].

Медушевский А.Н. 2013. Коммунизм как социальная утопия и юридическая фикция: проект конституции периода «оттепели» (1961—1964) // *Сравнительное конституционное обозрение*. № 3—4 [Medushevsky A.N. 2013. Kommunizm kak social'naja utopija i juridicheskaja fikcija:

proekt konstitucii perioda «ottepeli» (1961—1964) // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. № 3—4].

Медушевский А.Н. 2014. Конституция «развитого социализма»: откуда взялся принцип руководящей роли партии? // *Общественные науки и современность*. № 3 [Medushevsky A.N. 2014. Konstitucija «razvitogo socializma»: otkuda vzjalsja princip rukovodjashhejj roli partii? // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. № 3].

Объяснительная записка к проекту Конституции (Основного закона) СССР (1977) // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39 [Ob''jasnitel'naja zapiska k proektu Konstitucii (Osnovnogo zakona) SSSR (1977) // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 39].

Объяснительная записка к проекту Конституции // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 36 [Ob''jasnitel'naja zapiska k proektu Konstitucii // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 36].

Письмо Председателю Комиссии по подготовке проекта Конституции РСФСР тов. Соломенцеву М.С. «О некоторых вопросах, возникших в связи с подготовкой проекта Конституции РСФСР». Представлено с подписями членов Рабочей группы по подготовке текста Конституции РСФСР: Азовкин И.А., Авакьян С.А., Банных М.П., Барабашев Г.В., Кириченко М.Г., Пертцик В.А., Пискотин М.И., Столбов Б.А., Шеремет К.Ф. (31 августа 1977 г.) // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 114 [Pis'mo Predsedatelju Komissii po podgotovke proekta Konstitucii RSFSR tov. Solomencevu M.S. «O nekotorykh voprosakh, voznikshikh v svjazi s podgotovkojj proekta Konstitucii RSFSR». Predstavleno s podpisjami chlenov Rabochejj gruppy po podgotovke teksta Konstitucii RSFSR: Azovkin I.A., Avak'jan S.A., Bannykh M.P., Barabashev G.V., Kirichenko M.G., Pertcik V.A., Piskotin M.I., Stolbov B.A., Sheremet K.F. (31 avgusta 1977 g.) // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 114].

Пономарев Б.Н. (ред.) 1982. *Конституция СССР: Политико-правовой комментарий*. — М. [Ponomarev B.N. (red.) 1982. Konstitucija SSSR: Politiko-pravovojj kommentarijj. — M.].

Постановление «Об итогах работы Конституционной комиссии» // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 61 [Postanovlenie «Ob itogakh raboty Konstitucionnojj komissii» // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 61].

Постановление ВС СССР об утверждении Указа Президиума ВС СССР «О пополнении состава Конституционной комиссии» (17.07.1977) // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп.131. Д. 62 [Postanovlenie VS SSSR ob utverzhdenii Ukaza Prezidiuma VS SSSR «O popolnenii sostava Konstitucionnojj komissii» (17.07.1977) // GA RF. F. 7523. Op.131. D. 62].

Предварительные варианты проекта Конституции (1977) // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39 [Predvaritel'nye varianty proekta Konstitucii (1977) // GA RF. F .7523. Op. 131. D. 39].

Предложения по предварительному варианту проекта Конституции (29.04.1977) // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 40 [Predlozhenija po predvaritel'nomu variantu proekta Konstitucii (29.04.1977) // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 40].

Предложения по предварительному варианту проекта // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 41 [Predlozhenija po predvaritel'nomu variantu proekta // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 41].

Проект Конституции // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 36 [Proekt Konstitucii // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 36].

Протокол заседания Конституционной комиссии от 23 мая 1977 г. // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 61 [Protokol zasedanija Konstitucionnojj komissii ot 23 maja 1977 g. // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 61].

Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. 1974. *Сущность юридической ответственности в советском обществе*. — М. [Samoshhenko I.S., Farukshin M.Kh. 1974. Sushhnost' juridicheskojj otvetstvennosti v sovetskom obshhestve. — M.].

Сахаров А.Д. 1991. *Тревога и надежда*. — М. [Sakharov A.D. 1991. Trevoga i nadezhda. — M.].

Состав Конституционной комиссии (с внесенными изменениями) (1977) // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 62 [Sostav Konstitucionnojj komissii (s vnesennymi izmenenijami) (1977) // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 62].

Справка (проект) «О некоторых конституционных вопросах», подготовленная рабочей группой (А.Яковлев, Н.Перун, А.Лукьянов, Н.Старовойтов, Р.Кулик, Э.Кузьмин, С.Братусь) // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 32 [Spravka (proekt) «O nekotorykh konstitucionnykh voprosakh», podgotovlennaja rabochejj gruppojj (A.Jakovlev, N.Perun, A.Luk'janov, N.Starovojjtov, R.Kulik, Eh.Kuz'min, S.Bratus') // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 32].

Справка «Возможная схема новой Конституции СССР» в 2-х вариантах (Э.Кузьмин) // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 36 [Spravka «Vozmozhnaja skhema novojj Konstitucii SSSR» v 2-kh variantakh (Eh.Kuz'min) // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 36].

Справка «К вопросу о подготовке нового текста Конституции СССР» (07.1975) // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39 [Spravka «K voprosu o podgotovke novogo teksta Konstitucii SSSR» (07.1975) // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 39].

Справка «К вопросу о подготовке новой Конституции СССР» (1974) // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 37 [Spravka «K voprosu o podgotovke novojj Konstitucii SSSR» (1974) // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 37].

Справка «Сопоставление международных пактов о правах человека с предварительным вариантом проекта Конституции» (1977) // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 39 [Spravka «Sopostavlenie mezhdunarodnykh paktov o pravakh cheloveka s predvaritel'nym variantom proekta Konstitucii» (1977) // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 39].

Справка о необходимости обсуждения дополнительных вопросов к проекту новой Конституции // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 32 [Spravka o neobkhodimosti obsuzhdenija dopolnitel'nykh voprosov k proektu novojj Konstitucii // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 32].

Справка об изменениях и дополнениях, внесенных в Конституцию СССР с декабря 1936 по сентябрь 1972 г. (1972) // *ГА РФ*. Ф. 7523.

Оп. 131. Д. 35 [Spravka ob izmenenijakh i dopolnenijakh, vnesennykh v Konstituciju SSSR s dekabrja 1936 po sentjabr' 1972 g. (1972) // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 35].

Справки о преобразовании некоторых советских автономных республик в союзные // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 37 [Spravki o preobrazovanii nekotorykh sovetskikh avtonomnykh respublik v sojuznye // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 37].

Сравнительные тексты действующей Конституции СССР и предложенные к ним изменения и дополнения (5.06.1969) // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 30—31 [Sravnitel'nye teksty dejjstvujushhejj Konstitucii SSSR i predlozhennye k nim izmenenija i dopolnenija (5.06.1969) // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 30—31].

Сравнительный текст действующей Конституции СССР и предлагаемых к ней изменений и поправок с замечаниями к ним (07.1972) // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 35 [Sravnitel'nyjj tekst dejjstvujushhejj Konstitucii SSSR i predlagaemykh k nejj izmenenijj i popravok s zamechanijami k nim (07.1972) // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 35].

Сравнительный текст действующей Конституции СССР и предложенных к ней изменений и поправок, а также предложения по этим изменениям и поправкам // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 34 [Sravnitel'nyjj tekst dejjstvujushhejj Konstitucii SSSR i predlozhennykh k nejj izmenenijj i popravok, a takzhe predlozhenija po ehtim izmenenijam i popravkam // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 34].

Стенограмма заседания Конституционной комиссии 27 сентября 1977 г. // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 61 [Stenogramma zasedanija Konstitucionnojj komissii 27 sentjabrja 1977 g. // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 61].

Стенограмма заседания рабочей группы по подготовке предложений (Ф.И.О.: Пигалев П.Ф., Кулик Р.И., Лукьянов А.И., Кузьмин Э.Л., Перун Н.С., Митькин Н.А. Председатель — Калинычев) // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 30 [Stenogramma zasedanija rabochejj gruppy po podgotovke predlozhenijj (F.I.O.: Pigalev P.F., Kulik R.I., Luk'janov A.I., Kuz'min Eh.L., Perun N.S., Mit'kin N.A. Predsedatel' — Kalinychev) // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 30].

Структура проекта новой Конституции СССР, направленная работникам аппарата (13 апреля) // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 36 [Struktura proekta novojj Konstitucii SSSR, napravlennaja rabotnikam apparata (13 aprelja) // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 36].

Указ Президиума ВС СССР о пополнении состава Конституционной комиссии (от 29.04.1977) // *ГА РФ*. Ф. 7523. Оп. 131. Д. 62 [Ukaz Prezidiuma VS SSSR o popolnenii sostava Konstitucionnojj komissii (ot 29.04.1977) // GA RF. F. 7523. Op. 131. D. 62].

Шахназаров Г. 2001. *С вождями и без них*. — М. [Shakhnazarov G. 2001. S vozhdjami i bez nikh. — M.].